

Антония Мауде
Оливия Мауде

Кабаре "Медуза"

**Антония Таубе
Оливия Таубе
Кабаре «Медуза»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14343294

ISBN 9785447437558

Аннотация

Жизнь прекрасных танцовщиц кабаре «Медуза», любовь и ненависть, черная магия и вечная юность, загадочные смерти и неизбежный рок, где жизнь, как неоконченная поэма о любви: все случится в самом загадочном заведении Санкт-Петербурга 1911 г. в преддверии грядущих перемен в Российской империи.

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Кабаре «Медуза»

2 часть

Антония Таубе

Оливия Таубе

Деньги обладают способностью легко менять хозяев и даются в руки каждому: деревенский олух может сорвать куш в лотерее, дебил – получить огромное наследство, бандит – ограбить банк. Но власть... власть нечто совершенно иное. Имеющий её получает во владение весь мир!
Сидни Шелдон, «Тонкий расчёт»

© Антония Таубе, 2016

© Оливия Таубе, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Пугающие находки

Санкт-Петербург, 1911 год

Талантливый балетмейстер печально известного кабаре, Славин Невзор Игнатьевич, всегда собранный, энергичный и оптимистически настроенный, – сейчас пребывал в крайне подавленном состоянии, что по жизни ему было абсолютно не свойственно.

Сам того не желая, Славин оказался втянутым в трагический водоворот тяжёлых кошмарных событий, связанных с потерей лучших танцовщиц своего коллектива. До сих пор сердце его щемило от жалости, стоило только представить себе всех их, вспомнить их ясноглазые лица, очаровательные улыбки и голоса, которые никогда больше не прозвучат наяву, – и тоска с новой силой заполняла душу Невзора! Да ведь и сил немало было положено, чтобы создать такой фантастически искромётный коллектив, каким он был в полном прежнем составе, – вместе с теми, которые никогда более уже не выйдут на сцену варьете...

Теперь об этом пишут все газеты. Да так пишут, что читать тошно! И так-то тяжело, а они ещё такого напридумывают, что ни в какие ворота не лезет! И как только совести хватает – создавать на смертях молодых девушек свою пустую

популярность! Иуды... Ради выгоды и увеличения тиражей на что угодно готовы пойти, ничего святого за душой, а ведь, думается, в жизни-то все эти газетчики и бумагомараки такие же обычные люди, и у каждого, наверняка, есть или сестра, или просто любимая девушка, или хотя бы верная надёжная подруга, вот и представили бы себе на минуту, – какво это было бы, потерять её? При этих мыслях негодование и возмущение захлёстывали Невзора с новой силой!

Да и на работе ситуация сложилась крайне напряжённая. Прежде хорошая репутация кабаре теперь висела на волоске, и, честно говоря, вообще ни в чём не стало никакой определённости и стабильности. Директор, лишившись помощника Бельского, просто растерялся и до сих пор никак не мог взять себя в руки. Для него было большим ударом то, что Бельский, с которым он проработал много лет и которому доверял как самому себе, оказался на самом деле преступником и убийцей, а довела его до этого – чёрная зависть! Да разве можно было об этом даже подумать?! Тут, пожалуй, любого коснись подобная ситуация – так не скоро от такого оправишься!

Бессменный директор кабаре, Фальчук Пейсих Иосифович и в прежнюю-то пору очень высоко ценил Славина и всегда прислушивался к его советам и рекомендациям, а теперь, после ареста Бельского, и вовсе видел в нём единственном свою опору и поддержку. Пейсих Иосифович никак не мог сообразить, что теперь следует предпринять, чтобы выпу-

таться из этой непростой ситуации без дальнейших потерь, и потому буквально умолял Славина что-нибудь придумать, лишь бы поправить плачевное состояние дел, и что угодно сделать, лишь бы удержаться на плаву и спасти кабаре!

Но Славина не нужно было уговаривать. Главный танцмейстер и сам прекрасно понимал всё положение вещей. Но кроме того он также отчётливо понимал, что и дурная слава – это тоже слава, и теперь ломал голову над тем, как обернуть этот неприятный, в общем-то, момент во благо кабаре. Да, многие отвернулись от кабаре после последних событий, но ведь это не конец света! Потому что всегда найдутся те, кто придёт в «место с подмоченной репутацией» либо из интереса, – пощекотать себе нервы и душеньку потешить, либо просто из праздного любопытства. Вот и следует сейчас как-то воспользоваться этим и укрепить пошатнувшиеся дела заведения, а там, глядишь, пройдёт какое-то время и новые впечатления опять привлекут в кабаре почтенную и достойную публику! А там – и приличная репутация опять наработается! Жизнь продолжается, а значит – надо думать, работать и двигаться дальше!

Фальчук также понимал всё это, но без блестящей работы Славина он не представлял дальнейшее существование своего предприятия и очень опасался в душе, чтобы Славин не махнул рукой на все здешние передраги, коих навалилось великое множество, и не ушёл в более спокойное место. А ведь его с радостью приняли бы хоть куда, как гово-

рится – оторвали бы с руками, ногами! Потому что Славину как работнику цены не было, потому что Славин мог всё, что угодно! Он всегда умел удивить и руководство и публику...

Но как ни старался Славин сосредоточиться на работе, он по-прежнему пребывал в сильном смятении. Его отточенная безошибочная интуиция дала сбой, и он чувствовал по некоторым признакам, что его единый спаянный коллектив выходит из-под контроля. Да что говорить, – смерть Азы Кирских как будто парализовала его волю! Никак не ожидал он такой страшной развязки! Если раньше он был уверен, что хорошо понимал всех девушек своей труппы, то теперь ему казалось, что он не понимает вообще ничего! Горечь утраты и постоянное чувство растерянности помимо воли давили изнутри, и даже годами отточенная дисциплина ума не помогала собрать волю в железный кулак. Он часто задавал себе вопрос, – как же случилось так, что он, постоянный поверенный всех девушек-танцовщиц, узнал обо всём последним? Да ещё и тогда, когда некоторые из них уже нашли свою насильственную смерть или поубивали друг друга. В какой же момент всё пошло наперекосяк? И почему всё зашло так далеко? Даже Сапфо не сказала ему ничего! Как понять этих женщин? А в результате всех склок, заговоров и обманов погибла ни в чём не повинная Аза. Аза, Аза... Но даже если отодвинуть в сторону личные переживания и посмотреть на ситуацию в целом со стороны, то становится яснее ясного, что с уходом Азы искусство понесло большую потерю, и те-

перь очень и очень нескоро найдётся ей достойная замена.

Невзору было невыносимо больно видеть, как все рекламные плакаты с изображением «графини-цыганки» уносили на склад, и как вслед за первыми тремя опустели ещё две гримёрки — убитых Азы и Гаянэ. Как будто неожиданно вспорхнули и улетели две ярких бабочки, ничего не сказав и никого не предупредив! И он остался один...

Вдруг нестерпимо захотелось поговорить с Сапфо, уж она-то всегда могла найти нужные слова! Слаvinу вспомнилось стихотворение, которое с большим чувством продекламировала Сапфо, когда не стало Черкесовой, первой из всех ушедших, и строки сами собой всплыли в памяти:

Ушла от нас как лёгкий ветер,
Слегка коснувшийся щеки.
Браз помрачнели светлый вечер
И воды чистые реки...

Пришла с сиреневым рассветом,
Ушла в туман в конце пути...
Как сердце плакало об этом!
Теперь тебя уж не найти...

Была обласкана Фортуной, —
Вдруг жутким стал её оскал!
И разорвались сердца струны...
Твой смертный час зачем настал?

Враз перестало сердце биться!
И в нём замолкло навсегда
Эхо любви, которой снится
Путь светлый в долгие года...

Как рано ты ушла, подруга,
Но буду помнить образ твой!
Ты вырвана из жизни круга
Какой безжалостной рукой?

По воле чьей ушла, Алиса?
В тумане тает голос твой...
И только ветка кипариса
Хранит безмолвия покой...

А вспомнив эти строки, Славин неожиданно для самого себя вдруг почувствовал долгожданный покой! Как будто он и в самом деле поговорил с Сапфо, и ей удалось утешить его. К тому же Невзор не переносил безделье, он всегда работал и он любил работать! Невзор Игнатьевич явно ощутил «творческий зуд», как он сам называл это своё состояние, и ему сразу же захотелось увидеть всех оставшихся танцовщиц. К нему возвращались силы, что, конечно же, очень его порадовало! А силы к нему всегда приходили, несмотря ни на что, когда его призывало искусство, – возникало огромное желание созидать и творить! И это искусство ждало его возвращения! Да и директор просил что-нибудь предпринять буквально в три дня, иначе из этого провала будет уже невоз-

можно выбраться. Время поджигало, – надо срочно что-то делать, иначе – не подняться!

Славин сейчас ощутил себя птицей Феникс, которая бесконечно возрождается из пепла, когда уже всё сгорело и не на что больше опереться, а она раз за разом – поднимается снова и снова! И опять ему вспомнилась Сапфо, ведь она тоже что-то про это говорила! Да что тут думать, ведь в верхнем ящике стола лежит сборник её стихов, – Славин быстро выдвинул ящик, взял в руки книгу, и она сама услужливо раскрылась на нужной странице. Это сборник вышел вскоре после смерти Зинаиды Колосок, второй погибшей девушки.

Как трудно прощаться нам с теми,
С кем шли мы одною тропой!
Мы – так же, на той же сцене,
А вам же – уж вечный покой!

Как больно, подруги! Прощайте!
Мой крик утонул в пустоте...
И всё изменилось. Знайте,
Без вас мы – уже все не те! и дальше про боль утраты...

Так-так-так... посмотрим дальше... а вот ещё... Тоже посвещается памяти Черкесовой и Колосок:

Всё в одночасье сменилось,

Не будет уже как прежде...
Чтоб это не повторилось,
Мы Небо молим в надежде...

Ваш образ и чист и светел,
Но горечь утраты душит!
На сердце ложится пепел...
Путь к Господу вашим душам!..

И в памяти нашей навечно
Вы будете фениксом-птицей,
В память о вас мы, конечно,
Из пепла должны родиться!

Сегодня в душе нашей пепел,
Но надо нам вверх стремиться.
Ваш образ и чист, и светел,
И все мы – как феникс-птица!

Вот оно! Все мы как птица-феникс должны сейчас собраться и отряхнуться от пепла пережитых страданий и потерь! Это не значит, что мы должны всё забыть, совсем нет, никогда не забудем мы светлый образ этих несчастных девушек, – просто мы должны подняться и жить дальше! В сильном волнении Славин несколько раз прошёлся по кабинету, потом всё-таки остановился и опустился в кресло.

В голове его наступила ясность, и все мысли постепенно стали приобретать чёткую направленность. Теперь, ко-

гда беспокойство и нервозность отпустили его, Невзор сидел неподвижно и расслабленно, целиком погрузившись в воспоминания и размышления.

Итак, погибли танцовщицы. Вроде бы уже всё известно, да и следствие уже закончено, но не было в этой истории какой-то завершающей точки, ещё какая-то непонятная неопределённость тревожила душу Славина! И он понял, что именно эта незавершённость и недосказанность и мучили его всё это время. Ведь он по-своему любил всех этих девушек как родных – в некотором роде они ведь и в самом деле были его детищем, результатом его каждодневного упорного труда! Он всегда сердцем чувствовал проблемы каждой из них и по мере сил и возможностей старался облегчить девушкам жизнь. Он постоянно стремился к тому, чтобы у них было хорошее настроение! Ведь когда они веселы и беззаботны, то и танец получается другой – лёгкий, искрящийся и неотразимый! Потому и валила публика сюда валом, чтобы полюбоваться на этих красавиц... Он всё старался делать для них, и всё равно не спас, всё равно не уберёг, всё равно не оградил!

Вспоминая этих погибших танцовщиц, Невзор сам себе честно признался – из всех пяти девушек только Аза Кирских так и осталась для него неразгаданной тайной... Гордая, немногословная, высокомерная и надменная, – и вместе с тем, изящная, утончённая и артистичная, и к тому же безумно красивая... Настоящая, истинная Эсмераль-

да! А какие песни и романсы писала она вместе с Синичкиной! А уж исполняла их – просто божественно!

Хотя, справедливости ради, следовало признать, что все девушки труппы многогранно талантливы, любую назови – не ошибёшься! И для того, чтобы каждому бриллианту дать соответствующую оправу, Славин вкладывал всё свое умение, всё своё старание, – чтобы каждая из них заблистала в *своей* звёздной роли, чтобы каждая стала неповторимой примой *своего* мюзикла!

Взять, к примеру, Тамару Киладзе. Как хороша и бесподобна была она в мюзикле «Тамара», который Славин сам придумал и поставил для неё! Такого не было ещё нигде, – это было новаторство!

А Сапфо? Это была непревзойдённая Царевна-лебедь с грацией греческой богини! При виде неё зал сначала замирал, а через минуту взрывался от восторга!

А Кристина Лепко? Эта рыжеволосая красавица была прирождённой Жар-птицей! Никого другого в этой роли даже представить невозможно!

А как зажигательно танцевали девушки озорной легкомысленный кан-кан! Почтенная публика просто выла и стояла от восторга! Во время выступлений со сцены в зал вполне ощутимо излучалась настолько мощная энергетика, что никто не мог оставаться равнодушным. Все поголовно попадали под очарование красавиц кабаре! Их исполнение было выше всяких похвал!

А уж когда на сцену выходила «графиня-цыганка» Аза Кирских с едва уловимой мерцающей насмешкой в колдовских чёрных глазах, — от этих бездонных чёрных озёр уже невозможно было оторвать взгляд! Она завораживала всех своей красотой, — она была прекрасна! У этой необычной девушки было много поклонников, но Аза никогда и никого не подпускала близко к сердцу, потому что у неё была одна постоянная и пламенная любовь — искусство! Ему она принадлежала безраздельно! Она им жила, она им дышала, она любила его беззаветной чистой и преданной любовью, как могут любить только дети. И при всём этом она была скандально известна! Да ведь цыган не напугать скандальной славой, — это свойство цыганской натуры, наверное, от рождения заложено у них в крови! Хотя Аза и была из почтенной семьи оседлых цыган, но — породу не скроешь, она всё равно возьмёт своё.

В комнате уже смеркалось, хотя за окном было ещё светло — наступала пора белых ночей! А Невзор всё сидел неподвижно, вспоминал смуглую красавицу-цыганку, и острое чувство невосполнимой утраты с новой силой захлестнуло его. Горячий ком внезапно подкатил к горлу, и Славину захотелось вдруг заплакать, — просто разрыдаться от души, как это бывает в детстве при сильной обиде. Но ведь он взрослый мужчина, и такое поведение просто недопустимо! Невзор Игнатьевич несколько раз судорожно сглотнул, с напряжением перетерпел какой-то противный спазм в горле и смог, на-

конец, опять задышать нормально. И подумал, уже не таясь от самого себя, что его как магнитом притягивает к себе глупина жгуче-чёрных глаз, которые он больше никогда не увидит... Такая близкая Эсмеральда теперь навсегда останется бесконечно далёкой...

Ему вспомнился недавний разговор с девушками о жизни вообще, и все они тогда пришли к выводу, что по большей части живёшь не так, как хочется, а так, как приходится. На что Эсмеральда засмеялась, подбоченилась, гордо вскинула свою красивую голову и отчеканила:

– *А я не такая!* И я живу не так, как приходится, а так, как *мне* хочется!

У многих возникал вопрос, – как она могла так надолго задержаться в кабаре? Да вот в этих её словах и был весь ответ – ей это нравилось!

Рука Славина опять непроизвольно потянулась к томику стихов Сапфо. Что, интересно знать, она думает по этому поводу? Он внимательно пролистывал страницу за страницей и, кажется, нашёл нужный стих! Называлось оно коротко: «Аза».

Твоя нездешняя краса
Столь многим не даёт покою!
Тебя создали небеса,
Чтоб любовались все тобою.

Непредсказуема, мила!

А вот душа – птенец в капкане...
Ты одинока – как скала,
Одна в открытом океане...

В душе твоей бушует страсть,
Да только выход не находит...
Что тут сказать? Какая власть
Твоим сердечком верховодит?

И доведут ли до добра
Твои тропинки и дороги?
Тебе ещё ведь не пора
Попасть в небесные чертоги!

Живёшь на лезвие ножа,
Но даришь всем свои улыбки...
Где тайны все твои лежат?
Покрыто всё туманом зыбким...

Счастливой будь в своей красе!
Скажи, – зачем тебе награда,
Которой избегают все?
Зачем тебе ворота ада?

Вот это да! Славин даже присвистнул от удивления! Да как же он этого раньше не заметил? Да как же он этого раньше не понял? Ведь стихотворение написано задолго до смерти Азы! Так неужели Сапфо уже давно о чём-то догадыва-

лась? А может быть – знала? Знала и старалась предостеречь своенравную Эсмеральду от чего-то опасного? Ведь здесь совершенно недвусмысленно говорится об этом! Ох, Аза, Аза... И зачем же ты не послушалась дельного совета своей умной подруги?..

И сама Аза тоже много писала. До Славина доходили слухи, что на закрытых вечеринках Сапфо сама хозяйка неоднократно исполняла трепетные романсы, написанные прекрасной Азой. Говорили, что Сапфо и Аза готовили к выпуску совместный сборник, – надо будет спросить об этом у Сапфо. Говорили и про то, что у Сапфо есть серия портретов Азы, только никому постороннему она их не показывает. Кому-то, может, и показывает, но все девушки хранят тайну этих встреч, а мужчин туда не допускают. Даже как-то немного обидно стало за мужчин... м-да... И Славин вспомнил, как он впервые услышал в исполнении Азы её собственный романс. Это было в самом начале её работы в кабаре. На ней было надето белое узкое блестящее платье, а смоляные кудри украшала великолепная диадема, увенчанная страусовыми перьями. Аза выглядела тогда, как Снежная королева... А уж эти огромные чёрные глаза... таких в природе просто не бывает!

Все девушки-танцовщицы работали у Славина с полной отдачей, но даже на их фоне Аза выгодно выделялась своей старательностью и стопроцентной безотказностью в работе. Все девушки, безусловно, были очень красивы, но только под

обаяние цыганки все попадали легко и незаметно и оставались там навсегда. Её можно было любить или не любить, но равнодушных к ней – не было! И вообще это была гремущая смесь неукротимо дикого и неуловимо прекрасного с горячей кровью! Без неё наступила пустота...

Но при всём своём взрывном темпераменте Аза обладала поистине чарующим голосом! Низковатый, чувственный, – он в каждой душе задевал какие-то сокровенные струны... Когда она только пришла в кабаре, Тамара с Синичкиной сами составили для неё сольный репертуар, но капризная Аза разнесла его в пух и прах! Сначала она переправила на свой лад тексты песен, а потом и музыку к ним. Она тогда со всеми испортила отношение, обидев девушек своим непрекращаемым высокомерием, хотя все стремились всего лишь помочь ей! В конце концов, работать с ней в совместном творчестве смогла только Сапфо. Но в тот раз, когда Аза впервые вышла на сцену с концертом, её пение произвело настоящий фурор! Она пела тогда «Заколдованный лес»...

Заколдованный лес
Полон тайн и чудес,
Чёрный ворон пусть здесь не пирует!
Чёрный ворон пусть здесь не пирует!
А в цветы алых роз
Ветер эльфов занёс,
И их нежное пенье чарует!
Нас волнует, манит и чарует!

Зачарованы мы
Среди света и тьмы,
И хотим все любви без оглядки!
Сердце просит любви без оглядки!
Повторяю любя —
Мне не жить без тебя!
Ах, как жаль, что свидания кратки!
Но зато они страстны и сладки... и т. д.

В общем, пелось там про не совсем счастливую любовь... А потом Аза отказалась петь, мотивируя свой отказ тем, что ничего нового она не написала, а заезженный шансон её не интересует, и петь его она не хочет и не будет! Славин тогда не стал настаивать...

Но чувство незавершённости всей этой тяжёлой истории по-прежнему не покидало Славина. Более того, теперь он был просто уверен, что совсем скоро последует её продолжение. Но теперь он, кажется, знал, что делать!

Он медленно поднялся с кресла, разминая затекшие члены — всё-таки несколько часов просидел без движения! — подошёл к журнальному столику, стоящему у противоположной стены кабинета и взял лежавшую там телефонную книгу. Первой он позвонил Сапфо, и она с радостью пообещала быть у него завтра вместе с Тamarой Киладзе, которая как раз в это время находилась у неё. Затем Славин позвонил Белле Марковской, от неё тоже получено было согла-

сие. Теперь осталось только позвонить Аннет. Держа телефонную трубку в руке, Невзор вдруг на мгновение засомневался, — а надо ли ей звонить? Ведь теперь уже не было секретом то, что она всего лишь выполняла поручение Кошко! Однако даже и при таком раскладе Славину очень не хотелось, чтобы Аннет уходила из варьете, — был в ней настоящий французский шарм! А классические черты лица, точёная фигурка и грациозность движений были только дополнением к этому. Славин решительно набрал номер и не без удовольствия услышал голос Аннет. Она сразу же согласилась прийти без малейшего колебания. Итак, первый шаг сделан. Теперь жизнь ставила другие задачи...

Аннет по-прежнему жила в своей маленькой квартирке. Только теперь, после всех трагических событий, у неё появилось устойчивое чувство двойственности относительно этой истории, начавшейся и закончившейся столь драматически. С одной стороны — ей казалось, что сейчас, наконец-то, можно расслабиться, сбросить с себя длительное напряжение и отдохнуть хоть немного после этой ужасной трагедии, из которой она вышла с честью, да к тому же и живой и здоровой! Но с другой стороны — как ни гнала она от себя мысли о кабаре, прекрасно понимая, что ей там больше делать нечего, это ей никак не удавалось! Перед её внутренним взором проходили нескончаемой чередой все девочки из кабаре, как живые, так и те, кого уж нет на этом свете.

Как наяву ощущала она себя в гримёрке Горец, на сцене, в переходах кабаре... снова переживала свой первый приход туда, когда сердце её сжималось от страха перед тревожной неизвестностью... А вспоминая великолепного неповторимого Славина и его яркое творчество, непохожее ни на что из того, что Аннет знала прежде, она понимала, что дальнейшая его работа будет ещё интересней, ещё увлекательней, и она честно признавалась сама себе в том, что ей совершенно не хочется уходить из кабаре, и даже совсем напротив – ей очень, очень хочется опять вернуться туда!

С огромной силой желала она снова оказаться в чудесном доме Сапфо на дамской вечеринке, принять участие в её постановке и сыграть хоть самую маленькую роль! Да мало ли чего ей ещё хотелось!.. Но внутри неё что-то словно пробулось, и Аннет была уверена, что теперь, когда всё закончилось, Славин никогда больше не позовёт её. Поэтому его неожиданный звонок радостно взбудоражил Аннет и подействовал на неё как живительный бальзам! И сразу возник вопрос, – зачем?

В мыслях Аннет снова вернулась к Сапфо – казалось, что у неё есть ответы на все вопросы. Девушка быстро подбежала к книжной полке и вытащила из плотного ряда книг нужную ей в данный момент. Это был, разумеется, сборник стихов Сапфо, тот, что она подарила всем девушкам на своей последней вечеринке. Аннет бегло просмотрела заголовки. Так.. так... так... вот оно! То самое! «Полёт бабочки».

Бабочка горестно яркие крылья сложила,
Словно монашка ладони перед распятым.
Листва от дождя её нежно прикрыла.
Для тех, кто не скрылся, ночь стала сущим проклятием!

Злая гроза пронеслась над её хрупкой крышей,
Крылья от влаги очень тяжёлыми стали...
Но хочется бабочке выше и выше!
А многие вовсе наутро так и не встали...

Всё же рассвет наступил после той страшной ночи, —
Высушив крылья, в небо позволил подняться
Над теми, чья жизнь оказалась короче...
За что? Почему? Хотелось вопросом задаться.

Не суждено было им дотянуть до рассвета...
Радость и горечь у бабочки были в полёте!
Но только остался вопрос без ответа:
Боги, за что *всем* увидеть рассвет не даёте?

— Вот так и у нас получилось, — в раздумье проговорила Аннет. — Над всеми нами гроза прошумела. Да только мы крылышки обсушили и дальше полетели, хотя горечь утраты и осталась с нами, а они никогда уже не увидят своего рассвета!

А ещё Аннет подумала о том, что сейчас Сапфо как раз составляет новый репертуар, а может и составила уже, и оба-

ательная Белла Марковская репетирует новые песни... Поток мыслей и воспоминаний с головой захлестнули нашего «тайного агента» и взволнованная девушка долго проворочалась в постели, будучи не в силах даже сомкнуть глаза. Однако она решила не изменять своей привычке и завтра прийти к Славину пораньше.

Но не одна Аннет не могла уснуть в эту ночь. От Сапфо сон тоже бежал... Потрясение последних месяцев было настолько сильным и глубоким, что теперь ей просто хотелось побыть одной – отдохнуть душой, собраться с мыслями, да и вообще как-то постараться перенастроить себя на новый лад, жизнь-то продолжается, несмотря ни на какие потери. А сейчас – сейчас всё валилось из рук и даже небольшой шум раздражал её... Одной только Пелагее, – улыбчивой, умной и доброй служанке Сапфо – удавалось хоть немного расшевелить свою хозяйку. У бедной девушки просто сердце кровью обливалось при виде того, в каком состоянии находится её горячо любимая барышня, и она всячески стремилась сделать для Сапфо что-нибудь приятное. То это был нежнейший пирог с капустой, то баночка варенья из райских яблочков, то просто сказанное во время доброе слово...

Сапфо встала с постели, взяла альбом с фотографиями, закуталась в одеяло и с ногами забралась в глубокое кресло. Перелистывая плотные страницы альбома, и вглядываясь уже в который раз в хорошо знакомые лица, Сапфо погрузилась в размышления. Вот красавица Аза... её последняя фо-

тография... Вот другая красавица, Нинель Аглинцева, это она обнаружила убитую в собственной гримёрке Александру Горец... А вот и зеленоглазая красавица-лисичка Кристина Лепко... А что это она тут подписала? Странная какая... Напряжённо вглядываясь, Сапфо прочла слова, написанные мелким бисерным почерком. Написано было: «На долгую память пламенной Азе от подруги. Мы неразлучны ни в этой жизни, ни в следующей», ниже стоял затейливый завиток подписи.

Мягко ступая, вошла Пелагея:

– Барышня, Вы хоть чаю попейте! Совсем себя извели!

– Ты права, Пелагеюшка. Принеси, что там у тебя есть, – устало махнула рукой Сапфо.

Пелагея проворно вышла из комнаты и быстро вернулась с подносом в руках:

– Вот, пожалуйста! Ромашку заварила, выпейте, Вам и полегчает!

И Сапфо действительно с наслаждением выпила чай, так приятно пахнувший знойным летом. И вправду вроде полегчало... А совсем скоро после горячего травяного напитка её сморил крепкий сон...

...Потому что Пелагея вместе с ромашкой заварила ещё и головку мака, и теперь радовалась тому, что наконец-то её красавица-хозяйка крепко уснула и спит спокойным сном. Уходя, она осторожно приоткрыла дверь в комнату Сапфо, с любовью перекрестила её на ночь и тихонько притворила

дверь за собой, очень довольная результатом своих трудов.

В полном душевном упадке пребывала и Тамара Киладзе. Её сегодняшний визит к Сапфо лишь усилил депрессию. И только звонок Славина за одну секунду вывел её из этого морального «одеревенения»!

Утром следующего дня Аннет особо тщательно готовилась к встрече со Славиным. Она одевалась, завивала волосы, а сама всё перебирала в уме, – что *он* ей скажет, да что *она* ему ответит...

В кабаре она пришла, как и планировала, заблаговременно, немало удивив своим ранним появлением зевавшего на посту швейцара. С трепетом в груди открыла она дверь своей гримёрки, но задерживаться тут не стала. Быстро сбросив шляпку и стянув с рук перчатки, Аннет так же быстро устремилась по коридору и решительным рывком распахнула дверь в до сих пор пустующую гримёрку Азы Кирских. Прикрыв за собой дверь, она с бьющимся сердцем бегло осмотрелась вокруг, – всё здесь было, как прежде. Ничего особенного – костюмы, парфюм, грим... Все вещи находились на своих местах и терпеливо ожидали возвращения хозяйки...

Не теряя ни секунды, Аннет начала быстро открывать тумбочки и выдвигать один за другим ящики стола. Однако на глаза не попадалось ничего, привлекающего внимания! Закончив досмотр, она остановилась и ещё раз обвела

всю гримёрку внимательным взором. Увидела в зеркале своё бледное взволнованное лицо... И тут как молния вспыхнула в мозгу, — *зеркало!* Аннет осторожно просунула руку за его холодную поверхность и... нащупала там не очень толстый бумажный пакет! Осторожно ухватив его пальчиками, Аннет извлекла этот пакет на свет божий. С интересом взглянула, — что же это такое она тут раздобыла! В её руке была тщательно завязанная тонкая картонная папка. Девушка быстро стряхнула с неё пыль и, не разглядывая, сунула в свою сумку, а затем так же быстро и незаметно покинула чужую гримёрку.

Аркадий Францевич Кошко был с головой погружён в новое расследование. На это раз — произошла непонятная череда самоубийств, как лиц состоятельных, так и из более низкого сословия. На первый взгляд эти люди не имели между собой ничего общего, но отчего же тогда в этих смертях были общие узнаваемые черты? Вот в этом и надо было разобраться! Но пока что Аркадий Францевич даже и не предполагал, что нить расследования совсем скоро снова приведёт его в злополучное кабаре «Медуза»!

Итак, с разницей в две-три недели четыре человека подряд покончили с собой выстрелом в голову из пистолета, причём последним самоубийцей был Абаянцев Филипп Андреевич, бывший покровитель танцовщицы кабаре «Медуза» Азы Кирских.

Первым был студент Ключев Лев Радимович, двадцати семи лет, которого неоднократно видели за игорным столом этого же кабаре. Там он за один вечер проиграл всё отцовское состояние. Его знакомые полагают, что это и стало причиной самоубийства молодого человека.

Второй была молодая тридцатидвухлетняя женщина, Хрипова Марина Олеговна, недавно устроившаяся на работу швеёй в маленькое ателье господина Лукьянова по пошиву модной одежды и шляп. Она никогда не бывала в кабаре, но по иронии судьбы – это ателье располагалось прямёхонько напротив кабаре на противоположной стороне улицы. Семьи у Хриповой не было, с соседями по дому, где она снимала комнату, женщина близко не общалась, а в ателье никто не смог сказать ничего вразумительного, что могло бы пролить свет на её странное и пока необъяснимое самоубийство.

Третьим самоубийцей был двадцатишестилетний санитар из психиатрической лечебницы Груздев Дмитрий Фёдорович. Женат он не был, но ходили слухи, якобы была у него связь с некой танцовщицей кабаре «Медуза». В этом направлении велась следственная работа, но ничего конкретного пока выяснить не удалось. Сам Груздев посетителем кабаре не являлся и, по словам соседей, вёл достаточно замкнутый образ жизни.

Выяснением обстоятельств этих трёх смертей занимались разные люди, но когда Кошко узнал о таком же самоубийстве заводчика Абаянцева, то понял, что всё это «яйца из одной

корзины», поэтому он объединил все три дела в одно и решил лично заняться его расследованием. Его гениальный мозг автоматически просчитывал разные варианты – и все варианты уходили корнями в злополучное кабаре «Медуза». Но в настоящий момент полиция располагала крайне малым количеством фактов для того, чтобы объяснить все эти случаи, – требовалась дополнительная информация. Причём – как можно скорее!

Не без удивления узнал Кошко о том, что молодая француженка Аннет Булон по-прежнему работает в кабаре. Об этом сообщил ему сам Владимир Гаврилович Филиппов, начальник петербургской сыскной полиции, так что сомневаться в его словах не приходилось.

Аннет вернулась домой поздно. Репетиции были очень напряжёнными, и сильная усталость буквально валила её с ног. Но, тем не менее, это была приятная и радостная усталость, ведь Аннет опять была в том коллективе, который уже успела полюбить всем сердцем! Девушка наслаждалась тишиной своей маленькой квартирki, давая покой натруженным мышцам, и потому не сразу видела повестку из полиции, в которой её завтра просили прийти в участок. Она удивилась, покрутила листочек со всех сторон – нет ли там ещё чего написанного, и аккуратно положила повестку в сумочку.

На следующий день, за пару часов до начала репетиции, Аннет уже входила в хорошо знакомый ей кабинет Филип-

пова, в котором находились сейчас оба начальника сыскной полиции – и петербургской, и московской.

– Прошу Вас, присаживайтесь, – радушно встретил её Кошко.

Здороваясь с ним, Аннет не могла сдержать радостной улыбки и тоже приветливо поздоровалась с Аркадием Францевичем, затем вежливо поприветствовала Филиппова, который сидел в кресле у окна, и изящно присела на предложенный стул, с вопросительной полуулыбкой посмотрев на Кошко. Он, в свою очередь, тоже несколько мгновений молча любовался сидящей перед ним девушкой, в которой присутствовало редкое сочетание красоты, ума и высоких моральных качеств, а ум и порядочность Кошко ценил в людях превыше всего!

– Вы, Аркадий Францевич, верно, удивлены, что я всё ещё работаю в кабаре после всего, что там случилось? – первой произнесла Аннет, не дожидаясь вполне ожидаемого вопроса.

– Признаться, удивлён, уважаемая мадемуазель Булон, не смею отрицать! – просто ответил Кошко, – но я хотел видеть Вас по другой причине. Вы, конечно, уже читали в газетах про череду самоубийств в городе?

Аннет, погасив улыбку на лице, утвердительно кивнула головой.

– А Вы заметили, Аннет, что среди прочих покончил с собой и господин Абаянцев, покровитель и сожитель незабвен-

ной Азы Кирских?

Девушка снова молча кивнула.

– Скажу Вам честно – следствие пока в тупике, – неожиданно признался Кошко, – ясно только, что все эти самоубийства каким-то образом связаны с вашим кабаре. Это нам и предстоит выяснить. Вот я и хотел опять попросить Вас понаблюдать, так сказать, за работниками этого много-страдального заведения. Вы умеете подмечать детали! Вдруг да заметите там что-нибудь подозрительное? Но Вы совсем не обязаны рисковать и соглашаться на это! Я просто прошу Вас подумать над моей просьбой.

– Аркадий Францевич, – произнесла Аннет, ясно обозначив своё согласие на предложение Кошко, – а если это связано с посетителями, а не с работниками и артистами кабаре?

– Вот это, дорогая Аннет, как раз и требуется узнать! Надеюсь на Вашу бесценную помощь.

Говоря это, Кошко выложил на стол перед Аннет одну за другой четыре фотографии самоубийц.

– Обратите внимание вот на этот снимок, – указал он на фотографию Груздева, – есть некоторые сведения, что он был связан близкими отношениями с одной из танцовщиц кабаре. Вам его видели? Вам что-нибудь об этом известно?

– Нет, – чуть заметно головой Аннет. И ещё раз подтвердила, – Нет!

Аннет держала в руках фотографии, переключившись то на одной, то на другой, а сама в это

время напряжённо размышляла. Кошко внимательно наблюдал за ней и через пару минут молчания задал вопрос:

– И что Вы об этом думаете?

Аннет подняла на него глаза:

– Я думаю, что вся эта история выглядит весьма странно... И у меня, Аркадий Францевич, почему-то возник вот какой вопрос: почему наша красавица-цыганка так резко ушла к Абаянцеву, хотя прежде к нему совершенно не благоволила? Мне кажется, что ответ на этот вопрос как-то связан с последующими событиями, – и она указала на посмертный снимок Абаянцева.

Аннет и сама не могла бы объяснить, почему эта мысль задела у неё в голове. Ведь ещё совсем недавно ей казалось, что всё закончено, но оказывается, что на самом деле это далеко не так! И опять вопросов больше, чем ответов. По-прежнему жизнь и смерть Азы были окутаны тайнами. И каким-то шестым чувством Аннет отчётливо понимала, что за смертной тенью Абаянцева ясно встаёт тень Азы Кирских...

Аннет отвела глаза от фотографий, которые она аккуратно стопочкой вернула на стол, и опять взглянула на Кошко:

– Я сделаю всё, что смогу, Аркадий Францевич, – твёрдо произнесла она. – Я могу идти?

– Да, да, конечно! Я больше Вас не задерживаю! – ответил Кошко и на прощанье благодарно пожал Аннет руку.

Аннет встала, коротким кивком головы попрощалась с Филипповым, который за всё время не произнёс ни слова,

и вышла из кабинета. Когда дверь за французенкой закрылась, и в коридоре затихли её торопливые шаги, Кошко обратился к Филиппову:

– Владимир Гаврилович, как Вы полагаете, – не стоит ли сразу переговорить и со Славиным?

– Я думаю, что с этим следует немного повременить, – рассудительно ответил Филиппов, – не хочется пугать человека раньше времени. Он ведь и без того много пережил, буквально за несколько месяцев потеряв своих лучших танцовщиц.

– Да, пожалуй, Вы правы, – согласился Кошко.

Они обменялись ещё кое-какими соображениями по этому поводу, затем Филиппов забрал из стола несколько документов и ушёл по другим делам, а Кошко, оставшись один, опять углубился в скрупулёзное изучение имеющихся у него немногочисленных материалов. Он в сотый раз просматривал каждую бумажку и каждую запись, надеясь найти в них хоть малейшую зацепку, хоть бы какой намёк, – но так ничего и не находил. Оставалось только ждать новой информации.

Уже три месяца Славин активно занимался делами кабаре, не давая передышки ни себе, ни другим. Ему тяжело далась потеря за короткий срок сразу пяти танцовщиц, – и как руководителю, и просто как человеку. Но как бы ни было тяжело и больно, жизнь продолжается и требует новых дел, так

что ему совершенно некогда было сидеть, сложа руки, и предаваться унынию. Невзор Игнатьевич с удвоенной энергией погрузился в работу, в которой всегда находил утешение, и уже немало преуспел за столь небольшое время.

На днях было принято четыре новые танцовщицы, не считая Аннет. И как всегда – его безошибочный выбор поразил всех! Да ещё он придумал и успешно внедрил одно небольшое новшество – лёгкие изящные качели, чтобы во время выступления артистки могли не только стоять и ходить по сцене, но и «перемещаться по воздуху». Такого ещё нигде не было! И, несмотря на кажущуюся простоту, это устройство выглядело очень эффектно. А также он полностью поменял программу, в связи с этим для всех девушек были заказаны новые костюмы.

И опять начались многочасовые изнурительные репетиции, но никто не роптал. Все выкладывались, не жалея сил! Девушкам казалось, и они в этом ничуть не ошибались, что Славин делает всё для того, чтобы как можно скорее стереть из памяти все напоминания о прошлом. Известно ведь, что только сильные новые впечатления могут вытеснить из памяти прежние горестные воспоминания, или хотя бы задвинуть их подальше, чтобы они не терзали душу и не рвали сердце изнутри!

Сапфо давно уже тщательно упаковала в коробки все вещи Черкесовой, Колосок и Горец и вернула их родственникам. Только вещи Черкесовой пришлось унести в полицию,

так как у неё не оказалось никаких родственников. И только после того, как из гримёрки были вынесены все вещи Александры Горец, Аннет наконец-то смогла почувствовать, что вот теперь она действительно находится здесь одна и может вздохнуть свободно – тень Горец больше не витала над ней, теперь это было законное место Аннет.

А теперь вот Славин попросил Сапфо привести в порядок гримёрки Азы Кирских и Гаянэ Воскерчан – надо было подготовить место для новых танцовщиц. Всё-таки потеря пяти человек для такого небольшого коллектива – это сильный удар! И для полноценной работы требовалось пополнить ряды балерин до прежнего состава. Интересно, – кого Славин примет на этот раз?

Дыхание новых перемен, как и дыхание наступающего лета, явственно витало во всей атмосфере кабаре! Незаметно для самой себя Аннет ощутила вдруг в своей душе первые нежные росточки пробуждающейся любви. Если бы её невзначай спросили – в кого или во что она влюблена? – она не смогла бы ничего толком ответить. Пожалуй, в её душе просто пробился родник неистребимой в молодом организме любви к жизни, и Аннет радостно пребывала теперь в этом состоянии и была счастлива, – ей это нравилось!

Однако – ничто не вечно, и не бывает бочки мёда без ложки дёгтя! Так и теперь – лёгкие тучки сгустились над горизонтом безоблачного счастья Аннет после того, как она

вышла из полицейского участка после разговора с Кошко. Невольно нахлынули все недавние воспоминания и переживания, и волна прошлого снова накрыла с головой нашу молодую француженку. Аннет, конечно, и на этот раз добровольно согласилась помогать Кошко, никто её к этому не принуждал, да только – разве могла она отказать в помощи человеку, который буквально спас ей жизнь? И, конечно же, – она сделает всё возможное! Так-то оно так... Но в глубине души ей совсем не хотелось ни за кем следить и, честно говоря, её сейчас меньше всего интересовали все эти самоубийцы вместе взятые. И без того череда смертей её подруг оставили в душе Аннет неизгладимый болезненный след и вечную зарубку на сердце, а ей хотелось просто жить, – жить и работать без всякого негатива! Тут Аннет вспомнила о найденной папке Азы. Она ведь так и не успела посмотреть – что же там внутри? Но сейчас надо было спешить в кабаре. Аннет была человеком пунктуальным и не могла позволить себе опоздать на работу хоть на минуту!

Аннет весь день думала про эту папку. Вернувшись домой, девушка наскоро переоделась и наконец-то взяла её в руки. С трепетом в душе раскрыла она картонные обложки, просмотрела исписанные листки... ага, понятно... это ноты и песни, которые сочиняла Аза... похоже на сборник ненапечатанных стихов... Между листками Аннет обнаружила маленький розовый заклеенный конверт, никому не подписанный, – его Аннет пока отложила в сторону. А вот и послед-

ний листок, исписанный мелким убористым почерком, – видимо, её последний стих... Вверху было написано прежде какое-то название, но потом его густо зачеркнули, так что невозможно было прочесть, и рядом стояло уже другое – «Утешение».

Не утешай меня! Умру,
Как только солнца луч коснётся
Вершин берёз. И поутру
Моё уж сердце не забьётся!

Не верю в рай, не верю в ад,
Не верю в счастье между нами...
Смотри, осыпал звездопад
Сырую землю под ногами!

Меня сразил острейший меч!
Что *хуже* вдруг случится с нами?
Моя глава скатилась с плеч...
Мы – поплатились головами.

Я жажду быть, я жажду жить!
Но небо смотрит равнодушно.
Я больше не могу любить,
Мне стало в этом мире скучно!

Уйду по Млечному пути
Туда, где счастье и отрада,

И где меня уж не найти!
Но не туда мне, может, надо?

Не рви мне сердце! Погоди!
Не оживляй воспоминанья!
Как стыло, холодно в груди...
И нет тому, что есть, названья...

Не утешай меня! Умру,
Навечно лягу в смертный кокон!
И разовьётся на ветру
Тобой любимый чёрный локон...

Так как же так? Это что же получается? Аннет оторопело ещё раз пробежалась глазами по ровным строчкам. А получается то, что Аза *заранее* знала о своей грядущей смерти! Но как же можно знать об этом? И кому же, интересно, адресовалось это последнее послание несчастной Азы? Аннет задумалась. Нет, ничего не приходило на ум, – гордый дух цыганки так и не открыл свою зловещую тайну! Эх, Аза, Аза... И сама она чувствовала свою смерть, и мало того, теперь ещё и бывший её любовник тоже мёртв! Да и вообще в их отношениях было много непонятного, – просто голова кругом идёт!

В газетах писали, что Абаянцев сам застрелился, и вроде бы полицию тоже поначалу такая версия устраивала, но вот Кошко считает иначе. Он не поверил в самоубийство,

иначе не вызвал бы её! А теперь и сама Аннет уже не верила этому. На столике в фойе кабаре до сих пор лежал зачитанный до дыр тот номер газеты, где сообщалось о самоубийстве Абаянцева, – его перечитали все, кто только мог! Более того, ведь Абаянцев был личностью весьма известной, и теперь по поводу его смерти начались разные предположения и высказывания. Как оказалось, не один только Кошко не верил в то, что такой человек, как Абаянцев, мог вот так запросто взять и покончить с собой! Да и за кулисами уже начали шушукаться про эту непонятную смерть. Но только никто не решался открыто заговорить об этом при Славине.

Аннет всё думала и думала об этом, а потом просто решила сосредоточиться на предстоящем задании и добросовестно выполнить то, что она твёрдо пообещала Кошко. Она всё сделает, что в её силах, она присмотрится, она прислушается, она соберёт какую-то информацию, а уж дальше – великий сыщик сам сложит воедино разрозненные кусочки различных сведений, сам во всём разберётся!

И тут же внутренний «червячок» подал голос:

– А если не разберётся?

– Не разберётся? Ну что ж... это не моя работа. Меня это вообще не касается!

Но противный внутренний голос тут же крикнул:

– Как это не касается? Не говори глупости, ты ведь на самом деле так не думаешь! Тебя это всё – ещё как касается!

– Касается? Какая ерунда!

Однако противный голос не унимался:

– Убийство и смерть – это не ерунда, это – трагедия!

Аннет сжала пальцами виски:

– Ну, хорошо, хорошо! Только замолчи!

И голосок напоследок пискнул:

– Помни, это – твой долг!

Аннет вздохнула и ещё раз разложила перед собой все исписанные листки. Вооружившись большой лупой, она стала тщательно осматривать каждый листочек со всех сторон, в надежде отыскать что-то, не замеченное ранее.

В это же самое время Сапфо у себя дома удобно расположилась в любимом кресле, подобрав под себя ноги и накинув на плечи лёгкую шаль. Перед ней на изящном журнальном столике лежала точно такая же газета, что и в фойе кабаре. Сапфо пододвинула к себе шкатулку для рукоделия, достала оттуда ножницы и аккуратно вырезала из газеты статью об Абаянцева.

Мысленно Сапфо опять вернулась в тот час, когда Славин попросил её собрать все вещи умерших танцовщиц и вернуть их родственникам девушек. Она, разумеется, согласилась. В гримёрках очень тщательно всё перебрала, упаковала и даже записала всё до вещички в свою записную книжку, чтобы ничего не забыть. Один только момент её немного смущал – в гримёрках Азы и Гаянэ всё находилось на своих местах, вот только куда-то пропали записи с песнями Эсме-

ральды. Совершенно было не понятно – куда они могли подеваться? Разве что она перед смертью передала их Гаянэ? Но и у Гаянэ Сапфо пересмотрела всё самым внимательным образом, однако в гримёрке Воскерчан папки с текстами тоже не оказалось, да и вообще там не обнаружилось ничего необычного или особенного, – разве что старая затёртая колода цыганских карт! Сапфо никогда не замечала, чтобы Гаянэ увлекалась азартными играми, и поэтому найти у армянки такой предмет было, по меньшей мере, странно. Как оказалась у Гаянэ эта потрёпанная колода? Хотя каких только причуд у людей не возникает! Может, Гаянэ просто хотела пасьянс разложить? Но в любом случае это была явно не её вещь! И потому возвращать карты родственникам Гаянэ Сапфо не стала, она оставила их себе. Да ещё и забытую в гримёрке записную книжку Гаянэ. Она вряд ли потребуется армянским родственникам погибшей девушки... И это были две вещи, которые Сапфо утаила, никому не сказав ни слова об этих находках!

Ни с того, ни с сего Сапфо почему-то захотелось вдруг вернуть себе хотя бы подобие того весёлого беззаботного настроения, которое возникало только на закрытых вечеринках! И тут же подумалось, – правда, не на всех... Последняя вечеринка принесла ей много хлопот и беспокойства, а теперь... время словно остановилось... В этот момент Сапфо чётко осознала для себя, что дальше так дело не пойдёт, – надо как-то встряхнуться, заполнить возникшую пустоту, на-

строить мысли на новый лад, да и в кабаре вон сколько произошло перемен и изменений! Надо двигаться, надо работать! Надо, надо, надо!

По себе Сапфо знала, что ничто так не настраивает на активную волну, как творчество. А в её случае это означало – нужно взяться за новую театральную постановку! Так что очень кстати оказались Тамарины записи, – а точнее, сценарий, который она принесла в свой недавний приход, и который Сапфо ещё не успела толком разобрать. Сапфо открыла толстую тетрадь, скреплённую шелковым шнуром, и прочла заголовок, написанный красивыми витиеватыми буквами: «Дионис». Сапфо покачала головой и слегка усмехнулась – как раз в духе Тамары! Правда, в последнюю их встречу настроение Тамары Киладзе было очень подавленным, но пьесу она писала ещё до трагических событий, так что, может быть, не так уж тут всё мрачно окажется! В нынешнем своём состоянии навряд ли взялась бы она писать про озорного бога виноделия, веселья, оргий и религиозного экстаза!

Когда в последний свой визит Тамара уже собиралась уходить, позвонил Славин, и этим звонком ему удалось сделать то, что никак не могла сделать Сапфо, – вытащить Тамару из вязкого болота апатии и депрессии. Тамара понемногу стала возвращаться к жизни и даже уже несколько раз улыбнулась во время репетиции. Сапфо от души была рада за подругу! Ну а сейчас, «Дионис» – так «Дионис!» Надо будет снова собрать вечеринку и разыграть с девушками эти роли.

Славин целиком отдался работе. Даже чахлая петербургская весна – всё равно была весна! А на Славина весна всегда действовала одинаковым образом, – всё начинало бурлить в крови, требуя выхода, и выливалось в колоссальный объём работы, который делался на подъёме, на одном дыхании, как бы играючи! А наступившие вслед за тем тёплые летние дни и мягкое очарование белых ночей тоже немало способствовали скорейшему исцелению душевных ран. И всё удавалось, и всё было прекрасно!

Для Славина также не прошла незамеченной смерть Абаянцева. Сам Невзор Игнатьевич в душе не очень одобрял его связи с молодыми девушками, но, в конце концов, это было его личное дела, а в целом Абаянцев вызывал у Славина уважение – он считал делового Абаянцева умным, предприимчивым и дальновидным человеком. А это в мужчине – главное! И поэтому Славина самоубийство заводчика застало врасплох, если можно так выразиться, – уж слишком не вязалась с самоубийством его широкая предпринимательская натура!

После ужасной смерти своей прекрасной сожительницы Абаянцев не появлялся в кабаре, но всё-таки с трудом верилось в то, что теперь не стало и его самого. При мысли об этом у Славина неприятно кольнуло в сердце, но усилием воли он постарался стряхнуть с себя этих тяжкие думы. Разбираться с самоубийством – это дело полиции, вот пусть

она и разбирается! А сейчас необходимо сосредоточиться на своих проблемах, – уж слишком тяжело приходится поправлять пошатнувшиеся дела кабаре! Нельзя расслабляться, нельзя распыляться, нельзя отвлекаться ни на что постороннее!

На следующий день предстояло заняться новыми декорациями, а поскольку вместо арестованного Ждана Зосимовича, прежнего подсобного рабочего сцены, теперь работали двое новых работников – Лялин Пётр Иванович и Соломин Иван Петрович, то Славин пришёл на работу пораньше, чтобы лично всё проконтролировать и заодно подсказать новеньким, что и как тут следует делать.

Лялин с Соломиным старались от души, и работа спорилась, – быстро управились с одним делом, потом с другим, и вот начали заносить на склад старые плакаты и афиши. Когда открыли склад, то оттуда неприятно опахнуло затхлостью и заплесневелой сыростью. Славин забеспокоился – надо немедленно открыть выход на задний двор, чтобы все декорации на складе хорошенько проветрились и просушились! Да и лето наступает всё-таки, так что и в этот тёмный закуток надо запустить свежий воздух. Славин дал ключи от второй двери стоявшему рядом Лялину и попросил его открыть запасной выход, а сам вместе с Соломиным занялся кое-какой перестановкой на складе, чтобы как можно больше вещей разместить на столь малом пространстве. Другого-то ведь склада в кабаре не было!

Однако буквально через минуту Лялин вернулся с победившим и перекошенным от испуга лицом – на заднем дворе лежало тело молодого человека с простреленной головой и зажатым в руке револьвером! Славина от такой новости просто передёрнуло всего, как от высокого напряжения! Это что, – история повторяется? Только этого сейчас не хватало! Ещё от прежних смертей в себя прийти не успели, и тут опять такое...

Шила в мешке не утаишь, и уже через десять-пятнадцать-тридцать минут к складу сбежались все служащие, примчались вездесущие корреспонденты и последними прибыли двое полицейских. Люди шумели, переговаривались, удивлялись, возмущались, – словом, вели себя по-разному. И лишь на лице директора читалась крайняя степень отчаяния! Славин заметил, как беззвучно шевелились его губы, – от сильного потрясения у Пейсиха Иосифовича даже голос пропал! Это всё было похоже на какое-то светопреставление или кошмарный сон!

Хорошо, что вскоре прибыл сам Кошко! Уж этот-то разберётся, что к чему! Он быстро выпроводил из склада всех любопытных, распорядился закрыть кабаре, и полицейские сразу же приступили к опросу всех, кто на данный момент находились в заведении. Каждому в отдельности задавали вопросы, составляли протоколы и только после этого выпускали из здания.

В ходе дознания удалось выяснить, что убитым был Кар-

пов Игнат Власович, сорока трёх лет, путейский инженер, не женатый. Господин Карпов являлся частым гостем каба-ре, был слаб к женскому полу и всегда был не прочь завести коротенькую интрижку с приглянувшейся дамочкой. Пока это было всё.

И опять Кошко с Филипповым до поздней ночи обсужда-ли все версии случившегося. Пятая смерть, связанная с каба-ре, и пятеро убитых, которых ровным счётом ничего не свя-зывает между собой! Что касается Карпова, то о нём нечего было сказать чего-либо необычного, — он не имел ни великих денег, ни влиятельного положения в обществе, ни даже соб-ственного жилья. Инженер проживал в плохонькой съёмной квартире, которую сразу же тщательно обыскали. Но обыск тоже не дал следствию ничего нового. Так что на данный мо-мент это был ещё один тупик!

Сапфо никак не могла уснуть. После убийства Карпо-ва опять в её душе наступило полнейшее смятение! Ох, и неспроста всё это, — Абаянцев, Карпов, Аза, Гаянэ... Она встала, накинула на себя пеньюар, достала злополучную ко-лоду карт, найденных ею в гримёрке Гаянэ, и начала нето-ропливо раскладывать их на столе, — аккуратненько, масть к масти, по порядочку... Закончив расклад, Сапфо обнару-жила, что в колоде не хватает одной карты — туза вини. Сап-фо для верности ещё раз перетасовала колоду и снова раз-

ложила все карты перед собой – по одной, каждую в отдельности. Виннового туза не было! Странно... По колоде видно было, что эти карты часто были в употреблении, и отсутствие одной карты лишало их самого главного качества – ими нельзя было пользоваться! Ну и в чём же тут дело?

Хотя... Так... так... так... Какая-то смутная мысль забрезжила в голове Сапфо, и она стала не потерять эту тоненькую ниточку и напряжённо вспоминала, – где же она совсем недавно что-то слышала про карты... И, наконец, вспомнила! Она слышала об этом, когда её гости записывали свои пожелания в альбом для стихов и поздравлений, – вот тогда-то и был кем-то из гостей зачитан вслух написанный там коротенький стих про карты. Про эти непонятные глупые карты! Сапфо быстро схватила альбом и стала бегом просматривать страницы. Нашла! Вот оно! Это оказалось стихотворение Гаянэ, записанное её рукой. Сапфо несколько раз прочла его:

Мой бедный мальчик! Мой малыш!
Что ты волнуешься, не спишь?
Ведь все мы созданы из глины
И все умрём и в прах уйдём.
О нас заплачут лишь рябины...

И, покидая отчий дом,
Воспрянем мы в краю другом!
Прольётся кровь.. Но умирая,

Прошу я Бога об одном, —
Дай силы мне дойти до края!

Я у последней уж черты,
У самой вышней высоты...
Не страшно мне, поверь, мой милый!
А следом встанешь здесь и ты...
Адью! До встречи за могилой!

Мой бедный мальчик! Мой малыш!
И ты как свечка прогоришь...
Не сменим мы ничто отныне!
Цыганской карты лёг расклад —
Тебя нашёл уже туз вини!

По сердцу Сапфо пробежал холодок, – неужели это карты Азы? Ведь её и Гаянэ нашли вместе в доме Воскерчан... Неужто они убиты не только из-за драгоценностей?.. Мысли метались от одного к другому! Поведение Эсмеральды всегда было необъяснимым и непредсказуемым, а порою и просто задиристым. Интуитивно Сапфо кое о чём догадывалась, но это были только догадки и ничего более... Так какую же тайну унесла с собой в могилу прекрасная цыганка, гордая и независимая дочь своего народа? А ведь чувствовала, чувствовала Сапфо по некоторым нервно-возбуждённым и лихорадочным выходкам Эсмеральды, что та встряла в какую-то опасную ситуацию, и как могла, пыталась предостеречь её от этого. Да только не настолько близки они были,

чтобы самовольная взбалмошная Эсмеральда стала прислушиваться к её предостережениям!

И о чём говорится в стихотворении Гаянэ? И о ком? Какой ещё мальчик? Любовник, что ли? Сапфо попыталась вспомнить мужчин, бывших прежде в окружении Гаянэ, но ни ком не смогла остановить свой выбор. Нет, всё не то! Похоже, что здесь речь идёт всё-таки о любовнике, а не просто о знакомом молодом человеке...

Сапфо взяла записную книжку Гаянэ и стала внимательно просматривать фамилии, адреса и телефонные номера. Так.. ателье... магазин... номера знакомых дам... Их Сапфо сразу вычеркнула из своего списка. А вот господин офицер... а вот ещё мужские имена, – об этих ухажёрах Гаянэ Сапфо знала, но мальчиками и малышами назвать их было трудно! А вот какая-то абсолютно не знакомая ей фамилия – Груздев Д. Ф. Кратенькая запись помечена позапрошлым декабрём, то есть – больше года назад. Сапфо ни разу не слышала об этом человеке. Интересно – кто же он такой, и какое отношение имеет к Гаянэ? Это и наметила Сапфо себе на завтра – разузнать всё про этого таинственного Груздева.

Но на следующий день её постигло огромное разочарование, а в сердце поселилось не менее огромное беспокойство! Оказалось, что по указанному в книжке адресу уже живут другие люди, которые в ответ на вопрос Сапфо вежливо сообщили ей, что месье Груздев здесь больше не проживает, потому что, пардон, он не нашёл ничего лучшего, как пу-

ститъ себе пулю в лоб. А почему, – об этом им неведомо...

В сильном смятении шла Сапфо от дома Груздева, и в голове её крутилась одна неотвязная мысль:

– Просто чертовщина какая-то!

Сапфо и не подозревала даже, насколько в тот момент она была не далека от истины!

Аннет сидела дома за столом, составляла для себя список погибших, о которых ей говорил Кошко, и размышляла об этих людях – студент Ключев, портниха Хрипова, санитар Груздев и несчастный Абаянцев. А теперь сюда же можно смело добавить инженера Карпова. Аннет смотрела на этот список и не могла найти ни одного объединяющего момента. На ум не приходило ничего, от чего можно было бы оттолкнуться! И тут Аннет задала себе другой вопрос, – а не было ли других жертв, предшествующих этим? Может быть, что-то было упущено в самом начале, а это уже, так сказать, продолжение? И надо разобраться, – как они все связаны с кабаре? С чего-то надо было начинать своё собственное расследование, за что-то необходимо было зацепиться, – но за что? А уж то, что Славин вчера нашёл ещё один труп на задворках «Медузы», – это вообще било все рекорды цинизма и безнаказанности!

Газетчики, конечно, опять имя кабаре вымажут в грязи, но, как говорят русские, на каждый роток не накинешь платок! Обидно, конечно! Однако сейчас не в этом дело. А де-

ло в том, что попасть в тот дворик можно только имея ключ от чёрного входа, а у посторонних людей этого ключа просто быть не может! Вот и получается, что Кошко как всегда оказался прав, – это самая что ни на есть настоящая череда убийств, и все они связаны с кабаре, к сожалению!

Мысли бежали, углубляясь в прошлое, и сейчас Аннет вспомнила о самом кошмарном дне во всей предыдущей истории – она подумала о том дне, когда бесконфликтная и беззлобная, в общем-то, Гаянэ с особой жестокостью убила Азу Кирских. Аннет так и не смогла до конца поверить в это. Или всё-таки это сделал Ланцов, не простив Азе того, что она скрыла от всех истинного убийцу Александры – Гаянэ? Хотя какая теперь разница, – верит она в это или не верит! Но неужели такое кошмарное злодеяние совершилось только из-за старинных французских драгоценностей, стоивших бешеные деньги? Вопрос повис в воздухе...

А если тут было что-нибудь ещё? Вдруг да что-то не заметили в прошлый раз? Прокручивая в голове на разные лады недавние события, Аннет осторожно вскрыла маленький розовый конверт без адреса – в таких конвертах обычно передают любовные записки, – но из конверта выпала совершенно тут неуместная довольно засаленная карта, *туз вины*, в уголке которой было помечено мелким почерком: «Груздев». Вот это сюрприз! Вот это фокус! Уж не этот ли самый санитар из лечебницы? Но тогда – какое отношение он имел к Азе? Сердце её учащённо забилося!

Первой мыслью Аннет было – отдать эту карту Кошко как доказательство. Но Аннет сразу же погасила сей порыв – никакое это не доказательство! Кошко сказал, что после смерти Груздева в его маленькой комнате обыскали каждый сантиметр, но ничего подозрительного не нашли. И что значит эта странная карта, да ещё и в розовом конверте? Но поскольку карта всё-таки лежала в конверте, а на самой карте была пометка «Груздев», то можно предположить, что её собирались отправить именно Груздеву, а не кому-то другому. Но из-за скоропостижной гибели Эсмеральды неотправленный конверт так и остался лежать у неё в гримёрке, только почему-то не на виду, а тщательно спрятанный в папке с её романсами, да ещё и глубоко за зеркалом. А Груздев – уже мёртв!

Мысли плавно текли от одного к другому. Так... посмотрим на последовательность событий... может, хоть это на толкнёт на какую-то идею...

Аза погибла в последних числах февраля, – это было 26 февраля...

Практически через две недели после её смерти застрелился Клюев. Напротив фамилии Клюева Аннет аккуратно пометила – 13 марта.

Ещё через две недели ушла в мир иной некая Хрипова Марина Олеговна, – 29 марта.

Вслед за ней, опять-таки через две недели, и спустя всего лишь полтора месяца после смерти Азы этого таинственного Груздева тоже нашли мёртвым, – это случилось 10 апреля.

И опять через две недели после смерти Груздева не стало Абаянцева, его не стало 28 апреля. В этом направлении теперь уже вряд ли что можно отыскать...

И ровно через месяц после смерти Абаянцева обнаружен последний (последний ли?) самоубийца, Карпов Игнат Власович, – 27 мая.

Аннет снова и снова думала об этих людях. Сравнивала даты, пыталась делать какие-то привязки, но ничего интересного и толкового по-прежнему не получалось! Но она хоть и была раздосадована этим, руки опускать не собиралась, – начнём рассуждать снова!

Итак, до Груздева был труп портнихи Хриповой. Что нам о ней известно? Эта женщина была настолько далека от каба-ре и посещающих его людей, что было совершенно не понятно, – она-то с какой стороны может иметь с «Медузой» хоть что-то общее, хоть какую-то крошечную точку соприкосновения? Где же проходила та невидимая нить, которая объединила столь разных между собой людей? Пока что общим у них было только одно – все они были одиноки и не имели семьи. Но для каких-то серьёзных выводов это ровным счётом ничего не давало!

Ладно, думаем дальше! Ателье... Не иначе, как кто-то из танцовщиц бывал в этом ателье. Может, и не так, но других вариантов всё равно не было, и Аннет решила, не мешкая, с самого утра наведаться в пошивочное заведение Лу-

кьянова. Чтобы задержаться там подольше и иметь возможность завязать непринуждённый разговор, Аннет решила сделать в ателье небольшой заказ, а точнее – заказать к летнему сезону модное платье и шляпку.

Не откладывая дела в долгий ящик, Аннет так и поступила. И уже на следующий же день после работы она сразу направилась к Лукьянову, благо, что его ателье располагалось напротив кабаре – только дорогу перейти! Чуть ли не у самого хода входящую девушку любезно встретил сам хозяин, невысокий опрятный мужчина средних лет с простоватой мещанской внешностью. В работе ему помогала жена, и кроме них в ателье трудились две опытные портнихи и несколько девочек-учениц. Весь рабочий процесс происходил в двух дальних больших помещениях, а первая комната служила приёмной – здесь были поставлены три небольших диванчика, на подоконниках красовались всевозможные горшки с пышной зеленью и повсюду на маленьких столиках были разложены целые кипы журналов мод. Здесь же находились и три крошечных примерочных, отделённых от остального пространства комнаты нарядными занавесками. Словом, хотя и не было здесь бьющей в глаза роскоши, приёмная выглядела весьма уютно и произвела на Аннет хорошее впечатление.

Расточая улыбки, она взяла первый попавшийся журнал и обратилась к Лукьянову:

– Господин Лукьянов, мне так расхваливали Ваше ателье, что я просто не могла не заглянуть к Вам!

– Очень рад, мадемуазель! – сразу подобрел Лукьянов. – Чем могу Вам служить? Извольте взглянуть вот на эти шляпки – их только вчера привезли из Парижа. А вот тут у нас новые меха для пальто – взгляните, вот этот цвет Вам идеально подойдёт!

Аннет с интересом рассматривала всё, что предлагал ей хозяин ателье, и с видимым удовольствием перебирала красивые шляпки и щупала новые материи.

– Господин Лукьянов, я хотела бы заказать у Вас летний наряд. Думаю, что для него мне подойдёт вот эта розовая накидка с серым жемчугом, отделанная итальянским кружевом. А вот эту шляпку мне, пожалуйста, украсьте цветами! А платье мне хочется вот такого силуэта, – Аннет указала на страницу журнала с понравившейся моделью, – только прошу добавить мне сюда и сюда вот эти детали, – указала она пальчиком на другую страницу.

– Что же, мадемуазель, прекрасный выбор! Давайте сразу приступим к делу!

Тут же к Аннет подошли две девочки и начали снимать с неё мерки, а жена Лукьянова со строгим выражением лица стояла рядом, держа в руках толстую тетрадь, и остро отточенным карандашом записывала эти мерки в свой журнал. Аннет начинала нервничать, – время шло, а она всё никак не могла выбрать подходящий момент, чтобы начать важный

для неё разговор.

Когда мерки были сняты, Аннет с госпожой Лукьяновой перешли к шляпкам. Не придумав ничего лучше, Аннет вдруг остановилась и сосредоточенно нахмурилась, словно вспоминая что-то.

– Простите, мадам! Никак не могу вспомнить имя той дамы, что мне вас рекомендовала. Она тоже недавно шила платье в вашем ателье и осталась вашей работой очень довольна. Ну как же, как же её звать?... – и словно спохватившись, добавила, – да Вы, верно, её знаете, она работает танцовщицей в кабаре... кажется, «Медуза»!

– Да, мадемуазель, – равнодушно отозвалась Лукьянова, – я поняла, о ком Вы говорите. Это кабаре как раз напротив нас находится. Приходила к нам пару месяцев назад одна девушка оттуда. Очень красивая! С роскошными рыжими волосами и прекрасными зелёными глазами! А вот как её звать – тоже не помню, но могу посмотреть в журнале, если хотите.

– Нет, нет, спасибо, не стоит! Не так уж это и важно! Так когда мне приходить на примерку?

Договорившись с хозяйкой насчёт примерки, Аннет распрощалась и ушла. Теперь сомнений не было – зеленоглазая красотка с огненной шевелюрой в кабаре была только одна и это была Кристина Лепко. И если она была тут пару месяцев назад, то... практически в это же время не стало портнихи Хриповой!

– Да что это за человек! – в сердцах проговорила Аннет неполноголоса, – вечно за ней волочится шлейф каких-нибудь смертей!

На следующий день, едва лишь Аннет прошла за кулисы, первой, кого она увидела, была Кристина. Лепко оживлённо обсуждала свой новый романс с Синичкиной, которая с интересом слушала и, соглашаясь с чем-то, согласно кивала головой. Проходя мимо них, Аннет тоже услышала обрывок романса:

Храните, сэр, Вы эти белые перчатки!
Как память прошлых дней, как память обо мне.
Я Вас, мой друг, тогда любила без оглядки!
Теперь мы далеки, и Вы в чужой стране...

Храните, сэр, Вы эти белые перчатки, —
Ведь в них моё тепло, ведь в них моя любовь!
О наших прежних днях воспоминанья сладки,
И пусть они всегда волнуют Вашу кровь...

Увидев пробегающую мимо Аннет, Синичкина успела схватить её за рукав и интригующе произнесла:

– Аннет, дорогая, зайдите, пожалуйста, к Сапфо – получить приглашение на вечеринку. Остальные уже все получили!

– Спасибо, замечательно! Обязательно зайду!

Через некоторое время Аннет заглянула в гримёрку Сапфо:

– Здравствуйте, Стелла Руслановна! Я...

Но Сапфо не дала ей договорить и с лукавинкой в глазах перебила Аннет:

– Мадемуазель! Вы осчастливите нашу дамскую вечеринку своим присутствием?

Аннет тоже заулыбалась в ответ:

– Конечно, я приду!

Она приняла из рук Сапфо перевязанное атласной ленточкой приглашение и сразу почувствовала, как радостное возбуждение уже забурлило в её крови! Девушки поговорили ещё немного о предстоящей вечеринке и вскоре разошлись по своим делам.

Аннет с интересом развернула приглашение и быстро пробежалась по нему глазами, – там красивыми буквами с завитушками была прописана в юмористической форме программа вечера под названием «Кружок ценителей прекрасного», и излагалось краткое содержание всех мероприятий. Интересно...

А сейчас Аннет сидела перед зеркалом и старательно накладывала грим перед выступлением. Думала о Сапфо, о новой постановке, о вечеринке... Ей даже стало казаться, что жизнь налаживается! Да очень кстати туда и новень-

кие придут. Они, конечно, не участвуют в постановке «Диониса», но зато можно будет поближе познакомиться с ними в неформальной обстановке. Однако новенькие товарищи интересовали Аннет во вторую очередь, а в первую очередь – из головы не выходила основная неотвязная мысль. страшная смерть никому не известной Хриповой и каким боком причастна к этому Кристина Лепко? А в том, что Лепко к этому причастна, Аннет ни на минуту не сомневалась! Из всех прежних историй, усеянных трупами, Лепко смогла выбраться без особых потерь, – как говорится, вышла сухой из воды! Посмотрим, чем всё закончится на этот раз...

И снова в мозгу кольнула заноза – ключ от склада с декорациями! Куда, интересно, подевался ключ Бельского после его ареста? Но Бельского теперь не спросишь, он отбывает свой долгий срок на сахалинской каторге... Значит, теперь существуют только два ключа – у Славина и у директора. Ключ Славина сейчас даже не рассматриваем. А вот директорский ключ можно легко украсть, и потом незаметно вернуть на место, – ведь все знали, где находятся ключи в кабинете Пейсиха! От этой мысли Аннет даже немного оторопела. Так уж было заведено, что работники кабаре привыкли решать все свои возникающие проблемы со Славиним и директором, и потому все имеют свободный доступ в директорский кабинет, а уж там...

Девушка опять подумала обо всех погибших. И опять один неотступный вопрос буквально просверливал голову

Аннет, – какой был смысл в убийстве этих людей? Что-то уж слишком много смертей за последние полгода! Чего ради? Все они далеки от мира искусства, все не имеют дорогостоящих драгоценностей и все не являются богатыми наследниками. Хотя в последнем пункте единственный студент составляет исключение, так как промотал подчистую отцовское состояние. Но опять же – никакой постоянной пассивности в кабаре у него не было, да и интереса особого он тут ни для кого не представлял. А впрочем, – для кого-то может, и представлял... как тот санитар... Аннет вспомнила Груздева и подумала, – кто знает наверняка? И сама себе ответила, – никто!

И ей вдруг вспомнился один стих из заветной папочки Эсмеральды:

Мы смотрим в небо – видим бесконечность,
Ей нет начала, нет ей дна.
Кто знает, где родилась вечность
И где теперь рождается звезда?

Мы лишь песчинки в круге жизни-смерти!
Нам не известно, где тут грань...
Забудьте горе и поверьте
В напев цыган и утреннюю рань!

И в звуках этих, может быть, найдёте
Все тайны тех, кого уж нет!

И если навестить вы их придёте, —
Ромашек положите мне букет...

Без сомнения — Аза знала о своём близком конце? Но как, откуда и зачем? И тут же Аннет подумала о себе, — наверное, у меня очень ограниченный творческий потенциал! И никакой фантазии — раз ничего толкового придумать не могу! И опять мысль перескочила на Славина — он всячески поощрял любые творческие пробы каждой певицы и танцовщицы. Под его влиянием и ненавязчивым руководством все они раскрывали свои таланты подобно тому, как чудесные розы раскрываются под рукой искусного садовника! Аннет знала об этом не понаслышке, она на протяжении нескольких месяцев ежедневно наблюдала за этим процессом. А вот за собой, к сожалению, она никакого раскрытия заложенных от рождения способностей не находила!

— Да ну и пусть! — нараспев протянула она в ответ на собственные мысли. — Всё равно я влюблена в кабаре и его неповторимую атмосферу радости!

Помолчала немного и с грустью добавила:

— Если бы только не убийства...

Некоторые произведения девушек Аннет считала просто бездарными, но с удивлением видела, как выслушав их, Славин хвалил этих авторов или исполнителей, потом осторожно делал несколько замечаний, что-то подсказывал, на что-то указывал... словом, вносил некоторые коррективы и — о,

чудо! – радостная воодушевлённая девушка начинала блистать, оттачивая и голос и перо! Как всё было хорошо! И в который раз уже Аннет подумала, – если бы только не эти чудовищные убийства! Но опять вмешался внутренний голос:

– Не тебе решать!

Аннет в сердцах несколько раз резко раскрыла и закрыла веер, с которым ей скоро предстояло выйти на сцену. В это время медленно чуть приоткрылась дверь, и к Аннет заглянула Белла Марковская:

– Прости, я тебе не помешаю?

– Нет, нисколько! Входи! – Аннет даже обрадовалась тому, что Белла своим приходом отвлекла её от грустных мыслей.

– Представляешь, – озабоченно произнесла Белла, – после меня будет солировать Кристина, а ведь у неё нет такого голоса, какой был у Эсмеральды!

– Это неважно, – Аннет смотрела в зеркало на раскрасневшуюся Беллу, – главное – с какой страстью она это споёт! Да-а-а... уж Аза-то исполняла эти романсы просто божественно...

– Это правда, – согласилась Белла, – но никто так и не знает, почему она так резко перестала их исполнять. Хотя – она была ведь очень капризная... Дама настроения!

– Белла, скажи, – ты пользуешься услугами ателье Лукьянова? Или у тебя, как всегда, есть своя портниха?

– Я очень редко захожу в ателье, – предпочитаю кое-что иногда выписывать из-за границы. А от личной портнихи я вряд ли когда откажусь! Любому могу сказать, что лучше Софьи Коралли – портнихи нет! Хотя и Кристина шьёт себе платья сама-неповторимая прелесть! Кстати, дорогая, Славин просил передать тебе, чтобы ты одела костюм эльфа, – нас сейчас фотографировать будут! Новые костюмы только что привезли, они в гардеробной. Ой, заболталась, а мне ведь тоже переодеться надо!

И Белла стремительно убежала. А в голове Аннет мелькнула запоздалая мысль, – да ведь Лепко в самом деле непревзойдённая мастерица, так зачем же ей понадобилось шить что-то на заказ? Но Аннет засуетилась с переодеванием, и мысль эта как пришла, так и ушла...

С обворожительной улыбкой на своём античном лице Сапфо просила фотографа обязательно сделать памятные снимки для всех девушек. Фотограф, уже не первый день знавший Сапфо, галантно поцеловал ей ручку:

– Для Вас, Стелла Руслановна, всё, что угодно! Всегда счастлив Вам услужить!

Он обернулся к пёстрой стайке девушек и звонко хлопнул в ладоши, призывая всех к тишине и вниманию:

– Милые красавицы! Прошу всех по очереди!

Девушки оживлённо засуетились, прихорашиваясь и делая последние поправки в своих костюмах. Видно было, что

новеньким танцовщицам всё это в диковинку. Они даже не скрывали своего жадного любопытства, а потому во все глаза смотрели сейчас на «стареньких» и быструю смену нарядов!

Аннет живо вспомнила такой же день, вскоре после того, как она пришла на работу в кабаре. Точно так же все были радостными и возбуждёнными... А с каким удовольствием позировала тогда Аза Кирских... Чёрная тень тяжёлого воспоминания легла на сердце девушки, погасив беззаботность момента, и юной француженке никак не удавалось вернуть себя в то безмятежное состояние, в котором она пребывала буквально несколько минут назад! А вот Кристина Лепко выглядела прекрасно и явно чувствовала себя на высоте! Как-будто ничего страшного вокруг неё и не происходило... Уж слишком звонким и переливчатым был её смех...

Аннет отошла к столику, на который только что выложили свежие газеты, не выбирая, взяла ту, что лежала сверху, и пробежалась глазами по странице. А через пару секунд уже не могла оторваться от того, что ей попало на глаза! А попало ей вот что:

«Убийство с ограблением!

Вчера вечером в Трубецком переулке, 33, в доме Помещика Свиридова была задушена шнурком от её собственного корсета его супруга, двадцатитрёхлетняя Свиридова Юлия Богдановна.

Полицией уже установлено, что молодая женщина весь день находилась дома одна, так как супруг погибшей, Свиридов Михаил Николаевич, уезжал на трое суток в Москву по своим делам, чему имеется подтверждение, а всей прислуге был предоставлен на один день выходной, чем и поспешил воспользоваться злоумышленник.

Когда господин Свиридов М. Н. вернулся вечером домой, то обнаружил там не только убитую супругу, но и исчезновение

всех её драгоценностей, коих у его жены было немало.

Убийца

смог уйти незамеченным.

Полиция тщательно осмотрела весь особняк, но не обнаружила ничего подозрительного, кроме непонятно откуда

взявшейся в доме одной игральной карты – виннового туза. И

это очень странно, так как никто из живущих в особняке Свиридова не увлекается ни карточными играми, ни карточными гаданиями.

Будем надеяться, что на этот раз полиция не оплошает, и виновный будет наказан. Или это преступление тоже останется

нераскрытым?..»

Опять туз вины! Аннет почувствовала, что у неё подги-

баются колени. *Это* уже не была случайность! И это уже всерьёз пугало! Вот теперь, пожалуй, обнаруженная ею карта стала прямым доказательством, и об этом следует сказать Кошко, да побыстрее! И отдать ему эту найденную карту с надписью «Груздев»!

Подошедшая Сапфо с удивлением внимательно смотрела на Аннет:

– Аннет, дорогая, что случилось? На тебе лица нет! – и она тихонько потянула на себя газету, которую Аннет судорожно сжимала в руке.

Расправив газету, Сапфо сразу же увидела – что именно так поразило подругу! Но теперь пришла очередь Аннет удивляться, – чистый лоб Сапфо на глазах покрылся испариной, гневно сжались губы и решительно сверкнули глаза.

– Да чёрт бы побрал эту карту, – с отчаянием процедила она сквозь зубы.

– Что – тебе – известно – про – эту – карту? – чётко и членораздельно спросила Аннет, глядя Сапфо прямо в глаза.

– В том-то и дело, что ничего, кроме того, что её недостаёт в колоде Гаянэ! – вполголоса с отчаянием выпалила Сапфо.

– Надо идти в полицию! – решительно заявила Аннет.

– С чем? – жёстко задала вопрос Сапфо.

– У меня есть карта «туз вини». Но нет всей колоды.

– А у меня есть вся колода, но нет этого туза!

Сапфо бросила быстрый взгляд на веселящихся девушек, потом быстро наклонилась к самому уху Аннет:

– Аннет, дорогая, я тебя умоляю! Пока – никому ни слова! После выступления едем сразу же ко мне, там всё и обсудим!

С первого слова, сразу же, между девушками возникло взаимопонимание, и потому Аннет, нечего не ответив, только молча согласно кивнула.

Кошко уже тоже был в курсе того, что буквально только что, пятого июня сего года, молодую помещичью жену какой-то злоумышленник задушил её собственным шнурком. Обыск дома и опрос соседей ничего не дал. Абсолютно никакого следа! Единственной крошечной деталью, привлечшей к себе внимание следствия, была найденная в доме карта, туз вины. Хозяин особняка Свиридов начисто отрицал принадлежность этой карты своей семье и своей прислуге! Дальнейший опрос прислуги тоже ничего не прояснил в этом отношении. Так каким же образом карта появилась в доме именно в день убийства? После всех размышлений Кошко остановился на единственной более или менее правдоподобной версии, – карта оставлена преступником! Другой вопрос – намеренно он её оставил или случайно обронил? – пока маячил на заднем плане, так как прежде надо было всё-таки выяснить, – кто и зачем принёс в дом эту карту? Вполне вероятно, что карта может оказаться ложным следом, но больше зацепиться было абсолютно не за что!

Аркадий Францевич решил использовать эту единственную зацепку, и вскоре большинство имеющихся аген-

тов были задействованы в поисках всех игроков-картёжников, известных полиции на сегодняшний день. Если взято верное направление, то не может быть, чтобы никто ничего не знал, – все они между собой знакомы! И неважно, близкое ли это знакомство или просто шапочное, понаслышке, – но подсказка может всплыть самым неожиданным образом. И Кошко в данном случае очень рассчитывал на такое случайное попадание! Пока других версий всё равно не было.

Старый служака, он имел за плечами богатый опыт общения с картёжниками и шулерами разного калибра и теперь, в сотый раз рассматривая эту выдавшую виды затёртую виновую карту, великий сыщик всё больше приходил к мысли, что всё-таки принадлежит она грабителю-убийце и не просто так выпала она из его рук. На ум пришёл «Остров сокровищ» Роберта Стивенсона, – так и тут эта карта представилась вдруг ему вдруг некой «чёрной меткой» непойманного пока грабителя-любителя эффектов, а теперь ещё и убийцы... Почувствовав безнаказанность, этот преступник захочет ещё и ещё продемонстрировать свою удаль и неуловимость, поэтому надо остановить его как можно быстрее! Но в каком направлении искать?

Эх, карты... карты... Сколько же от вас зла! С виду совершенно безобидный прямоугольничек атласного картона, а поди ж ты!.. Хотя нынче увлечение картами стало очень модным занятием, – ведь в любом интеллигентном доме наличие карт – это признак светского лоска и утончённого вку-

са, а в любой деревенской глуши практически в каждом помещицком семействе, даже самом обедневшем и захудалом, непременно имеются два обязательных предмета — сонник и опять те же карты! Карты... карты... а ведь в карты проигрываются от нечего делать целые состояния, поместья, громаднейшие угодья да и что греха таить, порою даже человеческие жизни.

В прежние времена карты привозили из-за границы, и только в конце восемнадцатого века на Карточной фабрике Санкт-Петербурга были выпущены первые в России игральные карты. М-да-да-а... Всем известная колода из тридцати шести карт, которая издавна так удачно прижилась среди русского народа, появилась в России благодаря кочевым цыганам и уже на протяжении двух веков, если не больше, считается цыганской колодой. В них всё просто: червы означают любовь и любовные отношения, бубновая масть говорит об удаче и возможностях, трефы, или по-другому крести, символизируют труд, службу, положение в обществе. А вот самая сложная масть пики, или попросту вини, означает потери и большие неприятности, в некоторых случаях даже смерть...

Аркадий Францевич размышлял обо всём этом, продолжая машинально крутить в руках злополучного туза вини...

Для начала Кошко решил раздать задействованным агентам фотографию этой карты и собрать информацию обо всех

игроках, кто практикуется на цыганских картах. Карты бывают разные, но принадлежность этой карты уже установили – она была из обычной цыганской колоды. Надежда на этот шаг была небольшая, но попытаться всё же стоило. И параллельно с поисками владельца карты начались допросы всех картёжников, находящихся в настоящее время в заключении, – не исключено, что кто-то из них сможет дать нужную информацию.

Вроде бы предприняли всё возможное, но нащупать что-либо определённое никак не удавалось! Да и то сказать, – ведь это самые распространённые карты, и в них играют все, кому не лень! Но Кошко приказал не ослаблять внимания и удвоить бдительность.

Затем мысли его плавно перетекли на последнее самоубийство, – Карпов...

План возник в голове мгновенно! Теперь у Кошко не оставалось никаких сомнений в том, что причина смерти Карпова кроется в кабаре. И он по-прежнему не соглашался с официальным заключением, которое констатировало факт самоубийства. Конечно, если посмотреть на эту ситуацию отвлечённо, то вполне возможно допустить совершение самоубийства на почве крупного проигрыша. Но! Из донесений Ломова было очевидно, что никаких крупных проигрышей в кабаре давно уже не случалось, да к тому же сам Карпов сравнительно недавно стал посещать это заведение. Конечно, при любой игре имеют место быть как выигрыши,

так и проигрыши, но до самоубийства дело редко доходит, обычно всё-таки находится какой-нибудь компромисс. Однако нельзя ориентироваться только на это, – может быть, незадачливый Карпов действительно проиграл по-крупному, просто полиции об этом ничего не известно? А человек пошёл да и пустил себе пулю в лоб! Скорее всего, именно так и есть, и что-то важное нам неизвестно, с одной только поправкой – на заднем дворе кабаре совершено не самоубийство, а убийство! Вот только кто дверь ему открыл?.. Да и к тому же нелепо предполагать, что Капов проигрался где-то в другом месте, а сводить счёты с жизнью явился в «Медузу». Следовательно, глубже «копать» следует именно в «Медузе»!

Итак, Аркадий Францевич решил действовать своим любимым проверенным методом, который почти всегда себя оправдывал, – без промедления внедрить в кабаре своего агента! Он переговорил об этом с Филипповым, и совсем скоро выбор кандидатуры успешно завершился! Каждого их возможных кандидатов изучали тщательно и скрупулёзно до тех пор, пока, наконец, их выбор не пал на московского тайного агента, работающего под начало Кошко, – Дроздова Степана Глебовича, несколько рыхловатого мужчину, почти пятидесяти лет от роду. Кошко всесторонне охарактеризовал его Филиппову, и закончил словами:

– Я думаю, что если его загримировать под купца, то он прекрасно сыграет человека, который на время оторвался

от бытовых забот и вполне может позволить себе пару недель вести разгульный образ жизни и с лёгкостью сорить деньгами, в том числе – и проигрывать!

– Полностью с Вами согласен, Аркадий Францевич! Одобряю!

Заручившись согласием Филиппова, Кошко тотчас же распорядился телеграфировать в Москву, чтобы срочно вызвать Дроздова. Поговорили немного ещё о разных мелочах, и от Кошко не ускользнуло поникшее настроение Филиппова:

– Вас что-то беспокоит, Владимир Гаврилович?

– Да нет, просто не думал, не гадал, что судьба так быстро вернёт нас опять в это кабаре...

– ... в котором погибают прекрасные женщины? – закончил фразу Кошко и с грустью посмотрел на Филиппова.

– Да, Аркадий Францевич, – вздохнул тот, – люди не должны погибать в таком молодом возрасте, это неправильно!

На этом разговор был завершён, и каждый углубился в изучение разных документов, связанных с убийствами и самоубийствами. Сосредоточиваясь на них, Кошко тоже незаметно вздохнул, – он и сам старался не поддаваться эмоциям, когда вспоминал об этом кабаре, где Аза Кирских по-прежнему стояла особняком от всех других безвременно ушедших героев столь недавней трагедии.

Аннет и Сапфо подъехали к дому с белыми колоннами

уже едва ли не в полночь. Пелагея увидела в окно приехавших девушек и заторопилась встретить их. Увидев радостное улыбающееся лицо служанки, Аннет впервые подумала о том, что, наверное, как же это хорошо и приятно, когда тебя вот так кто-то ждёт и беспокоится о тебе! Как порой бывает нужна вот такая дружелюбная улыбка и забота в понимающих глазах! А ещё из раскрытой двери так волшебным и заманчиво пахло пирогами, что просто дух захватывало! В такой атмосфере поневоле подобреешь и станешь философски смотреть на мир!

Нигде не задерживаясь и ни на что не отвлекаясь, Сапфо чуть ли не бегом устремила в свой кабинет, торопливо схватила колоду карт и сунула в руки Аннет:

– Вот! Посмотри, Аннет! Что скажешь?

Нашей сыщице хватило одного взгляда, чтобы понять, – карта в розовом кокетливом конвертике Азы Кирских была именно из этой колоды! Сердце Аннет усиленно забилося:

– Да! Колода – эта! Но что это значит?

– Я и сама хотела бы это знать! – порывисто ответила Сапфо. – Ясно только одно – перед смертью Аза своей рукой запечатала эту карту, чтобы кому-то передать.

– Я даже знаю, кому! – успокаивающим жестом остановила её Аннет, – не кому-то, а Груздеву! Такому же самоубийце, что и Карпов, которого нашли на заднем дворе кабаре!

– Но понимаешь, дорогая, ведь это значит, что кто-то из кабаре замешан во всём этом! И этот кто-то имеет клю-

чи от склада, или же беспрепятственно берёт их, когда захочет, и при необходимости ловко и незаметно пользуется ими, ни у кого не вызывая подозрений! И вполне возможно, что мы каждый день раскланиваемся с этим человеком! Какой кошмар! До чего же неприятно осознавать такое!!! И к чему, скажи, эти наши пугающие находки?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.